

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 , в которой простой инженер, далеко ещё не супергерой, получает подозрительно выгодное предложение	5
Глава 2 , в которой главный герой чувствует себя попаданцем или скорее даже пропаданцем	28
Глава 3 , в которой герой ощущает прелести новой жизни и с тревогой ждёт очередную подставу, естественно — дожидается	47
Глава 4 , в которой обнаруживаются противоречия во взглядах на перспективы радиосвязи главного героя и князя Юсупова-Ладожского	67
Глава 5 , в которой контуры будущей радиофикации Руси проступают явственнее.....	88
Глава 6 , в которой герой получает ненужную ему известность и расплывается.....	108
Глава 7 , в которой герой необдуманно рискует	126
Глава 8 , которая при ином раскладе могла бы стать последней, но не стала	145
Глава 9 , в которой герой обживает новое тело и входит в новую роль, отмечая массу неудобств	166
Глава 10 , в которой герою не удаётся избежать дорожных приключений	183
Глава 11 , в которой карточная удача в очередной раз подвергает героя риску	203

Глава 12 , в которой герой испытывает новый наезд и сам наезжает	219
Глава 13 , в ней снова дорога и снова приключения.	238
Глава 14 , о флотской гигантомании	262
Глава 15 , в которой над головой героя сгущаются новые тучи	280
Глава 16 , в которой инкогнито героя претерпевает испытание на прочность	297
Глава 17 , военно-морская и не только	315
Глава 18 и последняя , в которой герой получает награду, но отнюдь не ту, на которую рассчитывал.....	332

Глава 1,

**в которой простой инженер, далеко ещё
не супергерой, получает подозрительно
выгодное предложение**

Паренёк лет двенадцати смотрел с надеждой: неужели получилось?

Мастер взял пульт дистанционного управления и на миг коснулся джойстика. Моторчик игрушечного катера яростно взревел и смолк.

— Не включай более чем на секунду, если винт не в воде. Двигатель снова перегорит.

— Спа... Спасибо, дедушка! — он вытащил из кармана мятые сторублёвые бумажки, ни в коей мере не покрывающие стоимость ремонта и даже покупку запчастей через «Алиэкспресс».

— Ладно тебе. Купи мороженое. Играйся. Но аккуратно. Там не только моторчик сгорел — и шестерёнки высыпались. В магазине их не купишь, ждать из Китая долго.

Мальчик ещё раз поблагодарил и умчался, прижимая к груди скоростной глиссирующий катер, очень яркий и броский, как всё китайское, но чрезвычайно ненадёжный. Давно минули времена, когда холодильники, ламповые

телевизоры, да и другая техника работали по тридцать лет и чаще менялись, устарев, а не из-за поломок. Ныне в тренде одноразовое.

Вынужденный отвлечься на детскую забаву, мастер снова взялся за паяльник, касаясь контактов не в игрушке, а куда в более серьёзной вещи. Запаяв последние детали и проводки, удовлетворённо откинулся в кресле. Творение рук радовало глаз, но только глаз посвящённого. С некоторой долей вероятности изделие вызовет скандал, особенно если попадёт к клиенту с претензиями, но без слуха и серьёзных денег. А именно ради денег радиоинженер брался за паяльник, с упорством гнома-горняка разрабатывающий золотую ламповую жилу.

Она обнаружилась четверть века назад, когда планету накрыл ламповый ренессанс. Истинные ценители аудио вдруг вспомнили «тёплый ламповый звук». В продаже снова появились усилители с гордой английской надписью *Vacuum tube amplifier*, неперменной, даже если аппарат собран в России. Естественно — предлагались по заоблачной цене. И вот тогда умельцы на просторах бывшего СССР, ещё с советским стажем радиомучительства, вспомнили, что закрома бывшей империи хранят несметное количество радиоламп, трансформаторов, конденсаторов, резисторов и других деталей, из которых запросто собирается чудо техники уровня 1950-х годов. Коль родился спрос — появился и товар.

Затем разразилась нешуточная борьба между «фирмой» и кустарями-одиночками. Хорошо хоть не дошло до отстрела кулибиных. Заводские усилители брали дизайном, рекламой и, главное, высокой стоимостью на прилавке. Настоящий «ценитель» всегда уверен, что приобретённая ламповая утварь звучит хорошо, если в неё вложено достаточное количество сотен тысяч рублей, а лучше — несколько миллионов, чтоб полный комплект с акустикой и виниловой вертушкой потянул как квартира в Подмосковье.

Забавно, что у каждого крутого владельца хай-энд-аппаратуры всегда имеются более пологие товарищи, кому по силам приобрести усилитель за 40–50 тысяч, не более. Вот они и составили заметную часть клиентуры для кустарей-любителей — достаточно хлопотную. Один такой кадр нарисовался в домашней мастерской умельца буквально неделю назад и грозился разнести всё тут в хлам... Тем более складированные в квартире останки древней техники, откуда выкорчёвываются трансформаторы на перемотку, иначе как хламом не назвать.

Возврат денег за усилитель не удовлетворил быкующего нахала, тот требовал штрафняк «за моральный ущерб».

— Подавай в суд, — спокойно предложил инженер, достаточно подкованный и уже не в первый раз сталкивающийся с наездом. — Я продал тебе бывший в употреблении самодельный агрегат — без всякой гарантии. Не нравится — ты мне

его вернул, я отдал за него все деньги. Ещё вопросы?!

— Ты, сучара старая! Небось, налоги не платишь, урод! Ща тебя урою!

— Табличку видишь? Идёт аудио- и видео-запись, файл сразу записывается в облачное хранилище. Ты, молодой и крепкий, угрожаешь расправой пенсионеру в его квартире. Полицию вызвать сейчас или потом?

Выматерившись, клиент ушёл, хлопнув дверью. Остался осадок. Неприятно, но неизбежно. К сожалению, подобным субъектам нет смысла объяснять, что усилитель звучит идеально. Они слышать не захотят про гармонические, динамические и интермодуляционные искажения, сведённые в изделиях народных самородков ниже порога восприятия. Ну а три буквы АЧХ (амплитудно-частотная характеристика) вызывают у идиотов едва ли не судороги, те готовы послать на другие три буквы и усилитель, и автора.

Истерика этих субъектов объясняется очень просто. Приобретатель не верит, что собранный на коленках аппарат из советского «мусора» играет лучше, чем фирмач за 10–20 тысяч долларов, ищет подвох и первым делом откручивает нижнюю панель, чтоб осмотреть монтаж придиричивым взглядом. Он заранее начитался баек в интернете, что в самоделках работают копеечные китайские микросхемы, лампы торчат для блезира, и к ним подаётся лишь напря-

жение накала, чтоб светились. Исполненный подозрений, приступает к поиску этих микросхем и охреневает от увиденного под крышкой. Дело в том, что для снижения помех мелкие детали паяются прямо на панели электронных ламп, все соединения выполняются максимально короткими. Красивенькие жгуты, прокладка проводов исключительно под прямым углом, ровные ряды резисторов и конденсаторов, аккумуляторные печатные платы — это эстетично, гораздо проще в изготовлении, но для звука вредно, чревато наводками и паразитными ёмкостями. Поэтому многие самодельщики делают самый плотный монтаж в стиле Вильямсона и Кокинга 1940-х годов. Дизайн внутренностей в таком исполнении более всего напоминает взрыв на макаронной фабрике. У несведущего вызывает шок, потому что кажется верхом неряшливости.

— И ты эту фигню впарил мне за 45 тысяч?! — звучит вместо благодарности.

А что делать мастеру? Лучше вернуть деньги и не раздувать скандал, потому что мелкосерийное производство усилителей, предусилителей и фоновкорректоров совершенно нерентабельно сертифицировать и иным образом узаконивать. Оттого продолжают действовать, как партизаны в годы войны — тайно из-за угла, сбыт налаживается через сарафанное радио, без объявлений на «Авито». К счастью, вменяемые заказчики попадаются на порядок чаще, чем «полукрутые»,

копирующие замашки своих предшественников из 1990-х годов.

А самая благодарная клиентура, кому никогда не было отказа, несла в ремонт пожилому любителю китайские трансформеры и автомобильчики с радиоуправлением. Скоростной катер, правда, появился на столе в первый раз. Скучая по внукам, мастер баловал ребятню, иногда сплавляемую родителями в старый район-бабушатник. Соединял оборванные провода — халтурно припаянные или тонкие как волосок, менял пробитые микросхемы, и аляповатое пластиковое чудище на время оживало. Разумеется, с детей никогда не брал ни рубля.

Но, конечно, это — баловство, душа и кошелёк тянулись к ламповой аудиотехнике. Почти готовый, но ещё ни разу не включавшийся усилитель лежал на столе вверх ногами, не подозревающий о возможных превратностях судьбы.

— Надеюсь, парень, ты попадёшь к любителю музыки, а не к мальчику с распальцовкой, и тебя не придётся продавать по второму кругу.

Погладив холодный металл и отложив первое оживление новорождённого на завтра, мастер сладко потянулся и решил перед отходом на боковую посмотреть почту. Раньше заказчики ламповой экзотики связывались с ним через мессенджеры, отныне недоступные или кое-как подключаемые через VPN. Но однажды увидел плакат: «Сегодня ставишь VPN, а завтра — сдашься НАТО в плен» и решил не драз-

нить гусей, перейдя на Яндекс-почту, её точно не забанят.

Да, новые письма были, не только рассылки, прорвавшиеся через спам-фильтр. Благодарные владельцы прислали очередные мерси, один криворукий из любопытства вытащил все лампы и не может понять — куда и какую теперь сунуть. Да, вот приплыл заказ на двухтакт не менее 20 ватт на канал, хорошо... А одно письмо очень сильно выбивалось из общего ряда.

«Глубокоуважаемый Игнатий Иннокентьевич! Не соблаговолите ли Вы уделить мне полчаса времени завтра в час пополудни, чтобы обсудить чрезвычайно выгодное для Вас предложение. Желаем использовать Ваш уникальный опыт в радиоламповом искусстве. Сумма вознаграждения многократно превзойдёт Ваши нынешние доходы от изготовления ламповых усилителей, тем паче это дело Вы сможете после продолжить, выполнив наше необременительное поручение.

*С уважением,
Пётр Сильвестрович Капитонов».*

Инженер перечитал письмо дважды. Нет, не письмо — эпистолию, если выражаться в том же старинном стиле. «Соблаговолите», надо же! Почему тогда не «милостивый государь»?

И имя-фамилия — словно дохнуло девятнадцатым веком. В крайнем случае первой половиной двадцатого. Игнатий Иннокентьевич

родился несколько позже, при Хрущёве, собственные имя-отчество не любил, считая их длинными и старомодными — даже для пенсионера.

Почему согласился? Не от жадности, просто душа требовала разнообразия. С женой разведён, дети взрослые и давно разъехались, внуков видит редко... Остаются в ассортименте: паяльник, дача (она — в большей степени мастерская по изготовлению корпусов усилителей, чем фазенда), интернет-общение, из офлайн-развлечений — картишки с соседями по дому, столь же немолодыми. Конечно, с вероятностью более 90 процентов этот самый Пётр мать его Сильвестрович попробует провернуть какой-то тухлый развод, жуликов расплодилось — тьма тьмущая. Но раскусить жулика и заставить его уйти ни с чем — очень даже неплохое развлечение на фоне осточертевшей обыденности и не слишком радужных новостей из телевизора.

Игнатий достал из холодильника докторскую колбасу, дешёвое белорусское масло и белый батон, отрезал кусок хлеба, намазал маслом, уложил сверху ароматный колбасный кружок и неторопливо сжевал, запивая остывшим чаем. То есть поужинал, и никто не упрекнёт, что в его возрасте это — не самое здоровое питание.

В любом случае трапеза улучшила настроение и повысила сговорчивость, укрепив в желании встретиться и поглумиться над мошенником. Сжимая кружку в левой, правой набил на клавиатуре: «Хорошо. Где?»

Ответ пришёл мигом, будто отреагировал бот. Либо Сильвестрович ждал и смотрел на экран не мигая.

«В 13-00 жду у Вашего подъезда. Доброй ночи!»

Излишняя осведомлённость господина Капитонова насторожила и напрягла. Знает слишком много, включая домашний адрес. Или сразу послать нах? Нет, коль тщательно приготовился, так просто не отстанет. Посмотрим...

В смешанных чувствах Игнатий уснул, утомлённый стахановским трудом над усилителем. Утром сварганил себе банальный холостяцкий завтрак — та же колбаса, но с яичницей. Сунув тарелку и сковородку в раковину — потом помоем, он переместился за рабочий стол и первый раз включил усилитель в сеть. Пока без радиоламп, проверить исходные напряжения. Что волноваться? Схема миллион раз проверена радиолюбителями и кустарями-сборщиками, монтаж без ошибок, детали протестированы... И всё равно каждый запуск нового устройства — как первое свидание. Усилитель — не живое существо, но назвать его мёртвым, неодушевлённым, наравне с транзисторными аппаратами, язык не повернётся. В тусклом оранжевом свечении ламп мерещится особая неорганическая жизнь.

Он вставил лампы, пролежавшие без дела 30, а то и 40 лет, прогрел, отрегулировал в первом приближении токи покоя. Тонкая настрой-

ка предстоит позже, когда лампы придут в себя, очистят вакуум внутри, на это требуются многие часы. А пока присоединил к усилителю акустические системы, тоже самодельные — из винтажных широкополосных динамиков, вход к ЦАПу, и... началась музыка!

Каждому новому усилителю Игнат дарил особое музыкальное произведение. Этот получил для старта гениальную композицию Chi Mai Эннио Морриконе, использованную во множестве фильмов, даже в российском, но более всего известную по финальной сцене во французском фильме «Профессионал», где главный герой в исполнении Бельмондо получает пулю и умирает... Она же играла, когда Франция и весь мир прощались с самим Жаном-Полем Бельмондо.

Музыка звучала шикарно! Инструменты словно присутствовали в комнате, из 9 квадратов в панельке на севере Москвы она превратилась в огромный концертный зал, иллюзия объёма была столь сильна, что Игнат даже закрыл глаза.

И эта пронзительная светлая грусть... Киноартисту было 88 лет на момент ухода, Игнату лишь под семьдесят, но мысли о вечном стали посещать всё чаще. И не ему одному. Его закадычный приятель, доморощенный дворовый поэт Георгиевич, любитель выпить и закусить, а потом просадить часть пенсии в преферанс, частенько декламировал, взяв в руки карты:

Проходят дни, за ними ночи,
Налей сто грамм, мой друг, короче,
Пока есть с кем и есть за что.

Раньше, на памяти Игната, в каждом московском дворе среди пяти- и девятиэтажек непременно стояли столы. Мужички из ближайших домов азартно резались в карты или забивали «козла». Тогда не было общения онлайн, телевизор по двум каналам вещал про рекордные удои и битву за урожай, как будто урожай напал на СССР без объявления войны, и надо от беды отмахиваться. Судя по закупкам зерна из Канады, эта битва проигрывалась Советами с удручающим постоянством.

Сейчас же с трудом набралась компания из четырёх пенсионеров, готовых раскинуть нормальные бумажные картишки, малость засаленные, а не переставлять их мышкой на экране ноута. Дедунчики предпочитали писать «пулю» на листе бумаги и болтать живьём, без электроники. Собирались чаще по квартирам, не на воздухе. Ставки делали небольшие, максимум — рупь за вист, и даже самый неудачливый из игроков, а силы примерно одинаковые, за вечер уходил в минус не более чем на тысячу. Впрочем, для пенсионера и тысяча ощутима, бабка взгреет по самое не балуй. Не каждый как Игнат имел дополнительный источник дохода при отсутствии вечно недовольной супруги.

В час дня, то есть «пополудни», любители преферанса ещё не кучковались, несмотря

на погожую майскую погоду. Их время придёт вечером — выбрать место посиделок, заходя сгоняв за пивом. У подъезда торчала чёрная китайская электричка выпендристого вида. Около передней двери терпеливо ждал высокий и крайне интеллигентный пожилой мужчина в дорогом строгом костюме, сразу шагнувший навстречу.

— Игнатий Иннокентьевич? Я — Пётр Сильвестрович. Благодарю, сударь, что соблаговолили уделить мне время. Не возражаете, если угощу вас обедом? Заодно изложу суть нашего предложения.

Конечно, что-то закинуть в себя, выходящее за пределы стандартного холостяцкого меню, для него было соблазнительно. Но вряд ли имелся в виду пикник на капоте «Зикра», незнакомец явно намеревался пригласить в солидный общепит. На миг Игнатий уловил своё отражение в чуть тонированном стекле авто — немолодой худощавый мужик с печально длинным носом, одетый в спортивную куртку, затёртые джинсы и обутый в стоптанные кроссовки. Впрочем, ниже пояса отражения не было, память подсказала, и так понятно — прикид не для кабака.

А в конце-то концов... Пенсионер вспомнил Джеймса Бонда в исполнении Пирса Броснана, который голым и мокрым вошёл в отель, там вёл себя настолько уверенно, как истинный британский джентльмен, что ни у кого на рецепции не возникло сомнений в высоком социальном ста-

туса гостя. Неужели московский инженер хуже английского суперагента? И при виде распахнутой двери он решительно ввинтился в пахнущее кожей нутро китайца.

Тронулись. Автомобиль влился в поток, плывущий в сторону центра. Внутри царила лёгкая прохлада от бесшумно работающего кондиционера. Господин Капитонов, севший рядом с водителем, по пути не сказал ни слова по существу дела, ограничившись лишь парой-другой ничего не значащих фраз.

Ближе к Савеловскому они свернули в какой-то проулок среди ординарной застройки, закончившийся глухим тупиком с воротами, те открылись, и электрокар вкатился на огороженную территорию с особняком в центре. Да, уж это впечатляло. Недалеко от Садового кольца каждая сотка столичной земли стоит не как крыло самолёта, а целый авиапарк. Даже в этих непрестижных кварталах.

Закрытый клуб — только для членов. Увидев ценники в меню, Игнат понял, что мог явиться сюда хоть в мокрых плавках, за такие деньги персонал вытерпит что угодно, не исключено — предложит сухие трусы. Поскольку столики отделялись от соседних барьерами метра в полтора высотой, скрывая сидящих, экстравагантный или слишком дешёвый внешний вид не испортит аппетит другим посетителям.

Капитонов разместился напротив, сделал заказ на двоих, уверенный, что не промахнётся